

ИСКУПЛЕНИЕ КРОВЬЮ

Диана Каюмова

18+

Диана Каюмова

Искупление кровью

«Автор»

2026

Каюмова Д.

Искупление кровью / Д. Каюмова — «Автор», 2026

Милана Крауз потеряла лучшего друга из-за ревности могущественного Леонида Дубровского и оказалась в его власти. В атмосфере страха и одиночества между ними зарождается болезненное притяжение. Кто и зачем устроил эту катастрофу? История о любви на грани безумия и последствиях одного рокового решения.

© Каюмова Д., 2026

© Автор, 2026

Диана Каюмова

Искушение кровью

Глава 1. Забытая куртка

Осенний ветер, злой и промозглый, пытался прорваться сквозь неплотно закрытые окна аудитории №312. Последняя пара по русской литературе подошла к концу, оставив после себя лишь легкий гул затихающих голосов и запах пыльных книг.

Милана Крауз, кутаясь в шарф, уже шагала к двери, когда почувствовала привычное прикосновение – Анатолий легонько провел ладонью по её плечу, будто проверяя, не замёрзла ли она за два часа лекции.

– Чёрт, – пробормотал он, оглядываясь. – Куртку забыл.

Милана обернулась. Она хотела пошутить про его вечную рассеянность, но Толя уже машинально поправил её съехавший шарф – жест, который он повторял с детства, сотни раз, и который она перестала замечать. А зря. Такие вещи замечать стоит.

– Опять? – улыбнулась она. – Ты её каждый раз забываешь, Толь.

– Да знаю, знаю, – он махнул рукой, не глядя на неё. – Секунду, сейчас вернусь. Ты подождешь?

– Конечно, – ответила она, поправляя лямку сумки. – Только не забудь, а то мама опять будет переживать, что ты простудишься.

Он кивнул, уже направляясь обратно к парте у окна, где, видимо, и оставил свою ветровку. Милана вышла из аудитории, закрыв за собой дверь.

Коридор был почти пуст, лишь где-то вдаль слышались шаги. Она решила спуститься вниз, к выходу, чтобы дождаться Анатолия у входа в корпус. Ступеньки лестницы казались ей привычно скрипучими, а воздух в фойе – особенно затхлым после свежести учебного класса.

Она остановилась у массивных дверей, ведущих на улицу, прислонившись плечом к холодному стеклу. Городской шум – сигналы машин, отдаленные голоса, шелест ветра в кронах деревьев – казался сейчас почти успокаивающим.

Она любила эти минуты ожидания. Стоять у дверей, смотреть на тусклый город, чувствовать, как холод от стекла пробирается сквозь шарф, и знать, что сейчас выйдет Толька, они пойдут пить дешёвый кофе в автомате напротив, и это будет ещё один обычный, хороший день. Она глубоко вздохнула, наслаждаясь этим моментом.

Достала телефон, чтобы проверить сообщения. Три минуты, пять, десять... Анатолия всё не было. «Наверное, долго искал», – подумала Милана, не испытывая беспокойства. Они дружили с детства, знали друг друга досконально, и такие мелочи, как забытая куртка, были для них обычным делом.

Она скользнула взглядом по прохожим. Привычка, въевшаяся за два курса психфака: читать людей по мелочам. Вон та женщина сжата, как пружина – явно торопится, но боится опоздать. А тот мужчина в пальто слишком резко закрыл дверь машины – срывает злость на ком-то дома. Милана любила эту игру. Она давала иллюзию, что мир просчитываем и безопасен.

Внезапно её внимание привлекло движение у края здания. Черный автомобиль, припаркованный слишком близко к углу, с затемненными стеклами. Ничего необычного для этого района – бизнесмены, преподаватели, кто угодно могли приехать на машине. Но в следующий момент из-за угла вышли двое мужчин. Костюмы, солидные, но какие-то не такие, как у преподавателей. Слишком темные, слишком идеально сидящие, слишком... уверенные.

Они направились прямо к ней.

Милана напряглась. Она попыталась считать их так же, как считала прохожих минуту назад. И не смогла. Ни жестов, ни эмоций – будто у них лиц вообще нет. Пустота. Это было неправильно. Люди всегда считываются. А эти – нет.

Холодок пробежал по спине. Сердце забилось быстрее. Она отпрянула от двери, инстинктивно отступив назад.

– Извините... – начала она, но один из мужчин, высокий, с глазами, в которых не отражалось ничего, перебил:

– Девушка, пройдемте с нами. Вас просили подождать.

– Меня? – её голос дрогнул. – Кто просил? Я никого не жду.

– Не беспокойтесь. Это ненадолго.

Второй мужчина, более коренастый, подошел сбоку. Он двигался быстро, почти бесшумно. Милана открыла рот, чтобы закричать, но в лицо ударил резкий, приторно-химический запах. Мир вокруг завертелся, краски поплыли, и последнее, что она почувствовала, было прикосновение грубой ткани к губам и темнота, поглощающая всё.

В этот момент двери университета распахнулись.

Анатолий, сжимая в руке свою теплую ветровку, вышел на улицу, ожидая увидеть Милану. Он уже придумал шутку про то, что она могла бы и подождать его наверху, а не мёрзнуть здесь.

Но её нигде не было.

Только пустая площадь перед корпусом, холодный ветер и мокрый асфальт.

Он подошел к тому месту, где, как он помнил, Милана стояла минуту назад. Прислонившись к стеклу, кутаясь в свой дурацкий полосатый шарф, который он же ей и подарил на прошлый день рождения.

На асфальте виднелись свежие, глубокие следы от шин. Следы резкого старта автомобиля, который уехал совсем недавно. Машины, которой секунду назад здесь не было.

Анатолий посмотрел на следы, потом на пустую площадь.

– Милана? – позвал он, оглядываясь по сторонам. – Милана!

Его голос прозвучал неестественно громко и потерянно в наступающих сумерках.

Ответом ему был лишь свист ветра.

Холодный, острый страх начал медленно закрадываться в душу.

Глава 2. Чужая ошибка

Холодный вечерний воздух обжег легкие Анатолия, когда он выбежал из здания университета. Мгновение назад здесь была Милана, их смех еще витал в воздухе, а теперь – пустота. Сердце колотилось где-то в горле, но он заставил себя дышать. Так учила Милана. «Когда паникуешь, мозг отключается. Сначала вдох, потом мысль». Она сама это говорила на первом курсе, когда он завалил экзамен.

Он сжал кулаки и огляделся.

Первое, что он увидел, – это её сумка, лежащая на асфальте у самого края тротуара, словно её обронили в спешке. Милана никогда не бросала вещи. Никогда. Он подбежал, схватил её. Внутри – обычные студенческие вещи: тетради, ручка, помада, зеркальце. Ничего, что могло бы подсказать, куда она делась.

Затем взгляд его упал на проезжую часть. На мокром от недавнего дождя асфальте были отчетливо видны следы шин. Черный седан, который он мельком увидел, убегая за курткой. Он направился к машине, но она уже исчезла, оставив после себя лишь эти зыбкие, исчезающие следы. Пустые следы.

Совершенно ошарашенный, Анатолий бросился обратно в университет, к охраннику. Пожилой мужчина, дремавший за столом, сонно приподнял очки.

– Вы не видели, как девушка вышла? Ну, студентка, с сумкой... – торопливо, сбивчиво спросил Анатолий, едва переводя дыхание.

Вахтёр вздохнул.

– Девушек много выходит, парень. Да и не слежу я за всеми. Что-то случилось?

– Её... её, кажется, похитили! – выпалил Анатолий, осознавая, как нелепо это звучит.

Мужчина лишь покачал головой.

– Такое, молодой человек, не ко мне. В полицию идите, если есть основания.

Полиция. Что он им скажет? Его просто поднимут на смех.

Анатолий вышел на крыльцо и заставил себя смотреть по сторонам. Камера. У входа в университет есть камера. Он видел её сотни раз, маленький чёрный глаз под козырьком. Если повезёт, она могла заснять машину. Номер. Хотя бы цвет.

Он уже шагнул обратно к охраннику, когда телефон в кармане завибрировал. Он выхватил его, надеясь увидеть имя Миланы. Но это была просто реклама.

Он набрал её номер. Гудки. Затем – короткое, отчаянное SMS: «Милана, где ты? Ответь, пожалуйста». Ответа не последовало.

Милана пришла в себя медленно, ощущая головную боль и тяжесть во всём теле. Первые мгновения сознание отказывалось воспринимать реальность: сладковатый, незнакомый запах, мягкость подушки, абсолютная тишина.

Первая мысль была не «где я», а странная, профессиональная: «запах. сладкий, приторный. значит, помещение без окон – вентиляция плохая, аромат не выветривается». Она поймала себя на этом и ужаснулась. Она анализирует. Как на паре. Тело в шоке, а мозг всё равно работает. Это пугало сильнее, чем темнота.

Она не дома. Последнее воспоминание: университет, ожидание Анатолия, тёмный автомобиль, чужой парфюм, грубые руки...

Когда она смогла открыть глаза, перед ней предстала комната, поражающая своей роскошью, но гнетущая безжизненностью. Мягкие, словно обтянутые шёлком, стены, тяжёлые драпировки. Ни единой детали, которая бы намекала на личность хозяина, кроме идеального, стерильного порядка.

Милана медленно села, оглядываясь. Кровать, туалетный столик. Она встала, шатаясь, подошла к окну. Красивый вид – парк, пруд, вечерние огни. Она потянулась к ручке, чтобы открыть створку, и замерла. Ручка была. Но она не двигалась. Декоративная. Фальшивая. Она рванула сильнее – бесполезно. Тогда она метнулась к двери. Та же история. Гладкая, дорогая ручка, которая ничего не открывает.

Золотая клетка. Тюрьма, обитая шёлком.

Дверь бесшумно открылась, и вошел он. Высокий – настолько, что, переступая порог, ему пришлось чуть наклонить голову, словно даже здесь, в своём доме, дверной проём был ему тесен. Безупречный костюм, тёмно-серый, почти чёрный. Серые волосы на висках – не старость, а порода. Лицо... кто-то назвал бы его красивым. Скульптурным. Высокие скулы, тонкие губы, тяжёлая линия челюсти. Но она видела другое: холод.

Глаза цвета балтийской воды в ноябре – светлые, прозрачные и абсолютно пустые. Они скользнули по ней, как по предмету мебели, и в них мелькнуло разочарование.

– Ты очнулась, – его голос был низким, бархатным, но абсолютно лишённым тепла. – Хорошо. Только... ты не та, кого я ждал.

Он приблизился, и она наконец смогла рассмотреть его детально. Под глазами – тени. Не синяки, а именно тени, будто он давно не спал или видел сны, от которых просыпаться не хочется. От него пахло дорогим парфюмом, древесным, терпким – и ещё чем-то неуловимо медицинским, стерильным. Так пахнут операционные и очень дорогие клиники, где платят за то, чтобы не чувствовать боли.

Руки он держал в карманах брюк, расслабленно, но Милана вдруг отчётливо представила, как эти пальцы, длинные, с идеальным маникюром, сжимаются на чьём-то горле. Она не знала, откуда пришло это видение. Просто знала.

– Где я? Кто вы? Отпустите меня! – голос сорвался на всхлип.

– Меня зовут Леонид Дубровский, – он огляделся, словно оценивая обстановку. – А это... место, где ты теперь находишься. Ты не та, которую я приказал доставить. Моя ошибка.

– Ошибка? – прошептала Милана, страх начал сменяться растерянностью. – Вы меня похитили по ошибке?

– Именно, – его губы тронула лёгкая, хищная улыбка. – Досадная накладка.

Он шагнул ещё ближе. Не угрожающе, скорее... рассматривая. Как антиквар смотрит на вещь, которую не заказывал, но вдруг понял – она редкая. Милана отшатнулась, вжалась в стену, но он уже отступил, спрятав руки обратно в карманы.

– Но знаешь... – он вновь взглянул на неё, и в его глазах мелькнула искра, – ты не так уж плоха. Даже лучше, чем ожидалось. В тебе есть... что-то особенное.

– Отдыхай. Скоро принесут ужин.

Дверь закрылась. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Это «что-то особенное» звучало как приговор.

Милана сжалась на кровати, глядя на дверь. Толя. Он вышел через минуту после того, как её затолкали в машину. Он стоит сейчас там, на пустой площади. Она знала это. Знала, как он сжимает кулаки, когда злится или боится. Знала, что он уже звонит, ищет, сходит с ума.

«Не ищи меня, Толь. Пожалуйста, не ищи».

Но он будет искать. Она знала и это.

Поняв, что её не собираются отпускать, Милана ощутила, как страх снова сжимает горло. Её ошибка – оказаться не в то время, не в том месте, и стать чьей-то новой игрушкой.

Или – искуплением.

Глава 3. Чужие лица

Дверь закрылась, щелчок замка прозвучал как выстрел, и Милана осталась одна.

Несколько минут она сидела неподвижно, вжавшись в кровать, пытаясь унять дрожь в коленях. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Но постепенно шок начал отступать, уступая место липкому, тягучему страху, который требовал действий. Она не могла просто сидеть и ждать.

Милана встала. Ноги подкашивались, но она заставила себя сделать шаг, другой. Так учили на психфаке: когда паника накрывает, переключи мозг на конкретную задачу. Любую. Считай предметы, изучай обстановку, главное – не проваливайся в бездну.

Она начала с двери. Гладкая, тёплая на ощупь, обитая дорогой кожей. Ручка – массивная, позолоченная, красивая. Мёртвая. Она дёрнула её вверх, вниз, нажала – бесполезно. Только тихий скрежет металла где-то внутри, будто замок смеялся над ней. Потом подошла к окну. За ним расстился парк: подстриженные газоны, ровные дорожки, пруд, в котором отражались фонари. Идеальная картинка, нарисованная для богатых хозяев. Милана толкнула раму – ноль реакции. Провела пальцами по стыку стекла и рамы – никакой щели, никакого намёка на то, что это можно открыть. Она постучала костяшками – глухой, толстый звук. Пуленепробиваемое. Или что-то подобное.

Тогда она принялась изучать стены. Мягкие, обтянутые тканью. Она прижалась ухом – звук гасился сразу, ни шороха с той стороны. Звукоизоляция. Кричать бесполезно. Она прошла вдоль стен, ощупывая каждый сантиметр в надежде найти хоть какую-то неровность, щель, тайник. Ничего. Только в одном месте, почти под потолком, она заметила едва различимую точку – вентиляционная решётка. Слишком маленькая, чтобы пролезть, но хотя бы намёк на связь с внешним миром.

Она подошла к туалетному столику. Выдвинула ящики – пусто. Ни книги, ни ручки, ни листка бумаги. Только дорогая расчёска из чёрного дерева и тяжёлое зеркало в серебряной оправе. Милана взяла расчёску, повертела в руках – острые зубья, может, пригодится? Сунула в карман джинсов.

В ванной было то же самое: стерильная чистота, пустые полки, ни одного личного предмета. Даже шампунь был без этикетки, будто его налили из большой канистры. И никаких окон. Только вентиляция под потолком – такая же маленькая решётка.

Милана вернулась в комнату, села на пол, прислонившись спиной к кровати. Тело ломило, голова гудела. Она посмотрела вверх, на потолок, и вдруг замерла. В углу, почти незаметная на фоне лепнины, была маленькая тёмная точка. Объектив. Камера.

Она смотрела прямо на неё.

Милана не отвела взгляда. Внутри всё похолодело, но она заставила себя сидеть смирно. Он смотрит. Он видит её. Хорошо. Пусть видит. Она не доставит ему удовольствия своей истерикой.

Она медленно поднялась, подошла к кровати и села, сложив руки на коленях. Лицо её было спокойным, только пальцы сжимались так, что ногти впивались в ладони.

В этот момент в комнате, расположенной этажом выше, Леонид Дубровский сидел в глухом кожаном кресле перед стеной из мониторов. На одном из них – изображение спальни, где только что замерла Милана. Он чуть наклонил голову, наблюдая за ней.

– Интересно, – пробормотал он одними губами.

Она не кричала. Не билась в истерике. Не пыталась разбить окно. Она изучала комнату, как зверёк, попавший в ловушку, – настороженно, методично, с холодным расчётом. Это было необычно. Обычно они начинали орать, требовать, угрожать. А эта просто села и смотрит в камеру. Будто вызывает его.

На столе рядом с мониторами зажёгся огонёк селектора. Дубровский нажал кнопку.

– Да.

– Леонид Андреевич, вы просили зайти, – раздался ровный голос.

– Заходи.

Дверь бесшумно открылась, и вошёл Дмитрий Рыбенко. Тридцать два года, идеальный костюм, идеальная стрижка, идеально пустое лицо. Он держал в руках планшет и тонкую папку. Остановился в двух шагах от кресла, выжидая.

– Садись, – Дубровский указал на стул напротив, но сам не отрывал взгляда от монитора.

Дмитрий сел, положил планшет на колени, раскрыл папку.

– Я проверил информацию по вчерашней операции. Подробно.

– Слушаю.

– Исполнители – Сергей и Алексей. Работают на нас третий год, нареканий не было. Получили ориентировку: девушка, брюнетка, рост около 165, студентка, место – университет, время – окончание последней пары. Фото объекта – Алина Измайлинка – было приложено. Но они сработали по обстоятельствам. Увидели одинокую девушку у входа, схожую по описанию, и взяли её. Ошибка на месте.

Дубровский молчал, глядя на экран, где Милана замерла на кровати.

– Алина, – произнёс он наконец, и в голосе его послышалась горькая усмешка. – Она даже не знает, как близко была.

Дмитрий выдержал паузу, потом осторожно спросил:

– Вы хотите, чтобы я... напомнил ей? Связался?

– Нет. – Дубровский резко повернул голову, и его ледяные глаза на секунду блеснули. – Она не хочет знать. Я предлагал ей всё. Помнишь?

Дмитрий кивнул. Он помнил. Полгода назад Дубровский был одержим Алиной так, что это пугало даже его, привыкшего к любым причудам босса. Он звонил ей с нескольких скрытых номеров, назначал встречи, дарил невозможные подарки, которые она возвращала. А в последний раз, когда они были вместе, он сказал ей ровно то, что думал: «Я заберу тебя. Навсегда. Ото всех».

Она рассмеялась.

Приняла за шутку.

– Она решила, что я шучу, – сказал Дубровский, глядя сквозь Дмитрия. – Сказала, что я слишком занятой и важный, чтобы думать о такой, как она. И попросила больше не звонить.

– И вы... не стали.

– Я не навязываюсь, – усмешка стала жёстче. – Я исполняю желания. Она хотела, чтобы я исчез, – я исчез. Но её желание... – он кивнул на монитор, где Милана сидела, обхватив колени, – исполняет другая.

Дмитрий переварил информацию. Его лицо оставалось бесстрастным, но в глазах мелькнуло понимание.

– Что с этой делать? – он кивнул на экран.

Дубровский задумался. Надолго. Дмитрий уже привык к этим паузам – босс никогда не принимал решений второпях.

– Пока оставим. Пусть живёт. Мне нужно знать о ней всё. Связи, привычки, слабые места. Кто у неё есть, кто может искать. И проверь её телефон – он в машине? – и сумку. Всё, что найдёшь, принеси мне.

– Будет сделано. Ещё... – Дмитрий замялся на секунду, что было для него редкостью. – У неё есть друг. Анатолий Попов, с детства вместе. Он уже заявил в полицию, но там отказ – нет оснований. Он может начать копать сам.

Дубровский усмехнулся.

– Студент? Пусть копает. Если сунется слишком глубоко – скажешь Сергею, чтобы припугнули. Но без лишнего шума. Пока.

– Понял.

– И вот ещё что, – Дубровский снова посмотрел на экран. – Те двое, Сергей и Алексей... пусть проверят, что там с Алиной. Просто наблюдают. Где она, с кем, как живёт. Но не вмешиваются. Она не должна знать, что я рядом. Пусть живёт свою счастливую жизнь.

В голосе его не было горечи. Только холодное любопытство коллекционера, который отложил один экспонат и взялся за другой.

Дмитрий кивнул и вышел.

Дубровский остался один. Он откинулся в кресле, прикрыл глаза, но через минуту снова посмотрел на экран. Милана сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела в темноту за окном.

– А ты, – тихо сказал он, обращаясь к ней, будто она могла слышать, – ты будешь серьезнее? Или тоже решишь, что я шучу?

Анатолий сидел на скамейке напротив университета, сжимая в руках телефон. Было уже за полночь, но он не мог заставить себя уйти. Всё казалось, что сейчас из-за угла появится Милана, увидит его и спросит: «Ты чего тут сидишь, замёрз?» И он скажет ей всё, что не успел сказать раньше.

Но Милана не появлялась.

Он снова набрал её номер – абонент недоступен. Потом вспомнил: она говорила про какую-то Алину, старосту с экономического. Может, они общались? Он нашёл её страницу в соцсети, написал короткое сообщение: «Привет, я друг Миланы Крауз. Ты не знаешь, где она? Срочно». Ответа пока не было.

Он поднял глаза к тёмному небу. Пошёл мелкий, противный дождь.

– Где же ты, Милана? – прошептал он.

Глава 4. Огонь и лёд

Утро началось с того, что Милана проснулась и долго лежала, глядя в потолок. За окном всё так же падал снег – она уже сбилась со счёту, сколько дней это длилось. Недели? Месяцы? В этом доме время текло иначе.

Она села на кровати, потянулась. Рука машинально скользнула в карман джинсов – жест, ставший привычкой. Пальцы наткнулись на расчёску. Всё ещё здесь.

Она достала её, повертела в пальцах. Простая, пластиковая, с обломанным зубчиком. В первые дни, когда она обыскивала комнату в поисках хоть чего-то полезного, эта расчёска показалась ей маленькой надеждой. Глупость, конечно. Против него, против его охраны, против этой роскошной клетки она была бесполезна.

Но она всё ещё хранила её. Почему? Привычка? Напоминание о том, что она не всегда была покорной пленницей? Что в первые дни она ещё пыталась бороться?

Она убрала расчёску обратно в карман.

– Доброе утро, – сказала она в камеру.

– Доброе, – ответил динамик. – Ты сегодня задумчивая.

– Просто утро.

– Ты вчера плохо спала. Я видел.

– Ты всегда видишь.

Пауза. Короткая, но ёмкая.

– Сегодня хочу показать тебе кое-что, – сказал он. – Жди.

Клавдия принесла завтрак через полчаса. Она вошла, поставила поднос, и Милана сразу заметила, что служанка смотрит на неё иначе – с какой-то новой, тихой грустью.

– Клавдия, что случилось? – тихо спросила Милана.

Клавдия бросила взгляд на камеру, потом на Милану. Наклонилась, делая вид, что поправляет салфетку, и одними губами прошептала:

– Ты меняешься. Я вижу. Ты становишься мягче.

– Это плохо?

– Для тебя – да. Для него – нет. Он смотрит на тебя так, как никогда ни на кого не смотрел.

– И что мне делать?

– Не знаю. Просто помни, кто ты. Когда-нибудь это понадобится.

Она выпрямилась и быстро вышла.

Милана смотрела на закрывшуюся дверь. «Помни, кто ты». А кто она теперь? Студентка-психолог, которую похитили по ошибке? Пленница, которая влюбляется в своего тюремщика? Или кто-то новый, кого она сама ещё не знает?

Она доела завтрак, оделась и стала ждать. Знала – он придёт.

Дубровский появился ближе к обеду. Без Дмитрия, без охраны – один.

– Идём, – сказал он коротко.

Они прошли через холл, поднялись по лестнице, миновали длинный коридор с картинами. Он распахнул тяжёлую дубовую дверь.

Кабинет поражал. Огромные окна от пола до потолка выходили на заснеженный парк. Стены в книгах – старых, в кожаных переплётках, явно коллекционных. Тяжёлый дубовый стол, кожаное кресло, несколько мониторов с графиками. В углу – мраморный камин, в котором весело потрескивали дрова.

– Здесь ты управляешь своей империей? – спросила Милана, разглядывая стеллажи.

– Здесь я пытаюсь не сойти с ума от одиночества. – Он усмехнулся, но усмешка вышла горькой.

Она провела пальцем по корешкам. Философия, психология, классика. На одной из полок заметила тонкий томик стихов.

– Ты читаешь поэзию?

– Иногда. Когда слова перестают помогать.

Она взяла книгу, раскрыла наугад. Блок. На полях были пометки – не его, чужой рукой.

– Это Алины? – спросила она тихо.

Он замер. Лицо осталось спокойным, но в глазах мелькнула тень.

– Да.

– Ты хранишь её книги?

– Я храню всё, что было частью моей жизни. Даже то, что причиняло боль.

Милана закрыла книгу, поставила на место. Почему-то этот разговор задел её сильнее, чем она ожидала. Перед глазами встала другая картина – Анатолий, сидящий в парке с книгой.

– У моего друга была такая же, – вырвалось у неё. – Анатолий тоже любил Блока. Мы иногда читали вслух, сидя на лавочке у университета.

Она сказала это не подумав. Просто воспоминание выплеснулось наружу.

Воздух в комнате изменился мгновенно.

Дубровский замер. Его лицо оставалось спокойным, но в глазах вспыхнуло что-то тёмное, опасное.

– Опять, – сказал он тихо. – Опять он.

– Леонид, я не специально. Просто вспомнила...

– Ты вспоминаешь его здесь. Со мной. В моём кабинете.

Он шагнул к ней. Она отступила, упёрлась спиной в стеллаж.

– Я не могу контролировать каждую мысль, – выдохнула она. – Он был частью моей жизни.

– Был. – Голос его стал жёстким. – Но ты здесь. Со мной. И я не хочу слышать его имя.

– Ты не можешь запретить мне думать!

– Могу.

Он ударил кулаком по стеллажу – рядом с её головой. Книжки качнулись, но не упали. Она зажмурилась, ожидая боли, но боли не было.

А потом дверь распахнулась.

В кабинет ворвались Дмитрий и двое охранников – Сергей и Алексей. Видимо, звук удара привлек их внимание.

– Леонид Андреевич! – Дмитрий замер на пороге, оценивая ситуацию. Охранники напряглись, готовые вмешаться.

Дубровский медленно повернулся к ним. Его рука всё ещё была сжата в кулак, с костяшек капала кровь.

– Вон, – сказал он тихо, но в этом тихом голосе звучала такая сила, что охранники попятились.

– Леонид Андреевич, ваша рука... – начал Дмитрий.

– Я сказал – вон.

Дмитрий кивнул и вышел, увлекая за собой охранников. Дверь закрылась.

В кабинете снова стало тихо. Только потрескивал камин и капала кровь на паркет.

Милана открыла глаза. Он стоял к ней спиной, глядя в окно. Плечи его были напряжены, рука безвольно висела вдоль тела, кровь стекала на пол.

– Леонид... – прошептала она.

Он не обернулся.

– Иди в комнату, Милана. Сейчас.

– Но твоя рука...

– Иди. Пока я не сделал что-то, о чём пожалею.

Она хотела возразить, но поняла – лучше уйти. Выскользнула за дверь и почти бегом направилась в свою комнату.

В комнате она рухнула на кровать. Сердце колотилось где-то в горле. Она видела его ярость, но она была направлена не на неё – на себя. Он разбил руку, чтобы не ударить её. И на шум прибежали люди. Они видели его таким. Впервые.

– Господи, – прошептала она. – Что я наделала?

Она смотрела на камеру, но динамик молчал. Свет не мигал. Только чёрный глаз смотрел равнодушно.

Вечером Клавдия принесла ужин. Она вошла, поставила поднос, и Милана заметила, что служанка смотрит на неё с новым выражением – не страхом, не тревогой, а чем-то похожим на уважение.

– Он разбил руку, – сказала Милана тихо. – Из-за меня. И Дмитрий с охранниками это видели.

Клавдия кивнула.

– Я знаю. Дмитрий перевязывал ему руку. Сказал, что такое впервые.

– Что такое?

– Он никогда не причинял себе боль. Никогда. И никогда не позволял никому видеть свою слабость. А сегодня его люди видели его разъярённым, окровавленным... из-за тебя.

Милана закрыла глаза.

– Это не то, чем можно гордиться.

– Это то, что показывает: ты ему небезразлична. Больше, чем кто-либо. И теперь все в доме это знают.

Клавдия вышла.

Ночью свет в комнате мигнул. Один раз. Коротко.

Милана села на кровати.

– Леонид?

Тишина. Потом динамик ожил.

– Я не должен был срывать. Прости.

Голос был глухим, усталым. Чувствовалось, что ему больно говорить.

– Ты не тронул меня, – ответила она. – Ты ударил стену.

– Потому что если бы я тронул тебя, я бы себе этого не простил.

– Твоя рука... сильно?

– Дмитрий перевязал. Заживёт.

Пауза.

– Ты можешь прийти? – спросила она.

– Не сегодня. Я не доверяю себе. И они... они теперь будут следить за мной иначе. Я показал слабость.

– Это не слабость. Это... человечность.

– Для них – слабость. Для меня – тоже.

Она молчала, не зная, что сказать.

– Милана, – позвал он вдруг.

– Да?

– Я не хочу тебя потерять. Но я боюсь, что однажды не сдержусь.

– Не сдерживайся. Просто будь со мной.

Долгое молчание. Потом свет мигнул дважды – тёплый, долгий сигнал.

Она легла и закрыла глаза, чувствуя, как внутри что-то меняется. Он не монстр. Он человек, который боится своей собственной тьмы.

И это было страшнее любой боли.

Глава 5. Право ходить по струне

Утро началось с тишины, но тишина была другой – не выжидательной, а тягучей, будто сам воздух в комнате застыл после вчерашнего.

Милана открыла глаза и первым делом посмотрела на потолок. Чёрный глаз смотрел в ответ, но за ним будто никого не было. Динамик молчал.

Она села на кровати, машинально сунула руку в карман джинсов. Расчёска была там. Всё ещё там.

Вчерашнее стояло перед глазами: его кулак, разбитый в кровь, охранники, ворвавшиеся в кабинет, его голос, полный отчаяния: «Иди, пока я не сделал что-то, о чём пожалею».

– Доброе утро, – сказала она в камеру, но голос прозвучал хрипло, неуверенно.

Тишина.

Она ждала. Минута, две, пять. Динамик молчал.

– Ты там? – спросила она тише.

Ничего.

Странное чувство – он не отвечал, но она знала, что он смотрит. Всегда смотрит. Но сегодня за этим взглядом чувствовалось что-то другое. Стыд? Боль? Страх?

Клавдия принесла завтрак через час. Она вошла, поставила поднос, и Милана сразу заметила, что служанка сама не своя – бледная, с красными глазами, будто не спала всю ночь.

– Клавдия, что случилось? – тихо спросила Милана.

Клавдия бросила взгляд на камеру, потом на Милану. Наклонилась, делая вид, что поправляет салфетку, и одними губами прошептала:

– Он не спал. Всю ночь сидел в кабинете. Дмитрий сказал, что он даже не дал перевязать руку до конца – сам всё делал.

– Он злится?

– Не знаю. Он молчит. Это хуже злости.

Она выпрямилась и быстро вышла.

Милана смотрела на закрывшуюся дверь. Он молчит. Впервые за долгое время – молчит.

Она подошла к камере, подняла голову.

– Леонид, – позвала она. – Я знаю, ты слышишь. Пожалуйста, ответь.

Тишина.

– Если ты злишься – скажи. Если тебе больно – скажи. Только не молчи.

Ничего.

Она опустилась на кровать, чувствуя, как внутри разрастается холод. Он отстранялся. Он уходил в себя. И это было страшнее любой его ярости.

День тянулся бесконечно. Милана пыталась читать, но буквы не складывались в слова. Ходила по комнате, смотрела в окно, снова садилась. Мысли возвращались к одному: он молчит.

К вечеру она уже не находила себе места. Подошла к камере.

– Леонид, – сказала она твёрдо. – Я не уйду. Я здесь. И я буду говорить, даже если ты молчишь. Потому что молчание убивает. Я это знаю.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

– Ты вчера разбил руку, чтобы не ударить меня. Ты сдерживал себя. Это не слабость. Это сила. Но ты боишься, что однажды не сдержишься. Я понимаю. Я тоже боюсь. Боюсь своих чувств, боюсь тебя, боюсь нас.

Пауза.

– Но если мы замолчим – мы потеряем всё. А я не хочу терять. Не после всего.

Динамик молчал.

Она вздохнула и отошла к окну.

Этажом выше Дубровский сидел в кресле перед мониторами. Его правая рука была замотана бинтами – кое-как, наспех. Он слышал каждое её слово. Видел, как она ждёт, как надеется, как не сдаётся.

Он сжал здоровую руку в кулак.

– Что ты со мной делаешь? – прошептал он.

Он хотел ответить. Хотел спуститься к ней, обнять, сказать, что всё хорошо. Но внутри сидел страх – тот самый, о котором она говорила. Страх, что однажды он не сдержится.

– Леонид Андреевич, – раздался голос Дмитрия из селектора. – Там Сергей и Алексей просят поговорить. Насчёт вчерашнего.

– Пусть зайдут.

Сергей и Алексей вошли осторожно, будто в клетку к тигру. Оба старались не смотреть на замотанную руку.

– Леонид Андреевич, – начал Сергей. – Мы... насчёт вчерашнего. Если нужна помощь... ну, с ней... мы можем...

Дубровский медленно повернулся. В его глазах было что-то, от чего оба попятились.

– Вы можете? – переспросил он тихо. – Что именно вы можете?

– Ну, если она вас доводит... мы можем её припугнуть, чтобы знала своё место...

Дубровский встал. Медленно, тяжело. Подошёл к Сергею вплотную.

– Ты думаешь, я позволю тебе даже пальцем к ней прикоснуться? – спросил он, и голос его был тихим, но в нём звенела сталь. – Ты думаешь, я с кем-то делюсь?

– Леонид Андреевич, я не то хотел...

– Ты ничего не хочешь, – перебил Дубровский. – Ты хочешь жить. Поэтому запомни: она неприкосновенна. Для всех. Даже для меня. Особенно для меня.

Он отошёл к окну.

– Идите. И чтоб я больше не слышал таких предложений.

Сергей и Алексей вылетели из кабинета быстрее, чем вошли.

Дмитрий задержался на пороге.

– Леонид Андреевич, – сказал он осторожно. – Она ждёт вашего ответа. Уже несколько часов.

– Я знаю.

– Вы ответите?

Дубровский молчал долго. Потом кивнул.

Ночью свет в комнате Миланы замигал. Один раз. Два. Три.

Она села на кровати, сердце забилось чаще.

– Леонид?

Динамик ожил.

– Я здесь.

Голос был усталым, но тёплым.

– Я думала, ты ушёл.

– Я не могу уйти. Ты во мне.

Она улыбнулась в темноту.

– Твоя рука?

– Заживёт. Я не об этом хотел говорить.

– О чём?

Пауза. Потом он сказал:

– О том, что я боюсь. Боюсь себя рядом с тобой. Но ещё больше боюсь потерять тебя.

– Ты не потеряешь. Я здесь.

– Надолго ли?

– Навсегда.

Он усмехнулся.

– Ты не представляешь, как много для меня значат эти слова.

– Представляю. Потому что они значат столько же для меня.

Долгая тишина. Потом свет мигнул дважды – тёплый, долгий сигнал.

Она легла и закрыла глаза, чувствуя, как напряжение отпускает.

Он вернулся.

Глава 6. Тени прошлого

Утро началось с тишины. Милана открыла глаза и, как всегда, посмотрела на камеру. Чёрный глаз смотрел в ответ, но сегодня в этом взгляде ей чудилось что-то другое. Или это просто игра воображения?

– Доброе утро, – сказала она, глядя прямо в объектив.

Тишина.

Она ждала. Секунда, две, минута. Динамик молчал.

– Ты там? – спросила она тише.

Ничего.

Милана села на кровати, обхватила колени руками. Странное чувство – он не отвечал, но она знала, что он смотрит. Всегда смотрит. Так почему молчит?

Она встала, подошла к окну. За ним всё тот же заснеженный парк, идеальный и мёртвый. Но сегодня даже эта красота не отвлекала.

– Что случилось? – прошептала она в пустоту.

Ответа не было.

Клавдия принесла завтрак через час. Вошла, поставила поднос, и Милана сразу заметила: служанка сама какая-то странная. Бросает быстрые взгляды на камеру, на неё, снова на камеру.

– Клавдия, – тихо позвала Милана. – Что происходит?

Клавдия замерла, потом наклонилась ближе, делая вид, что поправляет салфетку, и одними губами прошептала:

– Он сам не свой. Со вчерашнего вечера. Что ты сделала?

Милана растерялась.

– Я? Ничего. Я просто... мылась. Спала.

Клавдия покачала головой, в её глазах мелькнуло что-то странное – не страх, а скорее понимание.

– Он смотрел на тебя. Всю ночь. Я видела свет в его кабинете.

Она выпрямилась и быстро вышла, оставив Милану в полном смятении.

«Он смотрел на меня. Всю ночь».

Милана подняла глаза к камере. Чёрный глаз молчал. Но теперь она знала – за ним кто-то есть. Кто-то, кто не спал всю ночь, глядя на неё.

– Зачем? – прошептала она. – Зачем ты мучаешь себя?

Тишина.

Она отвернулась и уставилась в окно. Снег всё падал, укрывая землю белым покрывалом. Этажом выше Дубровский сидел в кресле перед мониторами. Он не спал всю ночь. Смотрел, как она спит, как ворочается, как что-то шепчет во сне. Смотрел и ненавидел себя.

Дмитрий вошёл без стука – он позволял себе это только в крайних случаях.

– Леонид Андреевич, вы просили документы по сделке.

– Положи на стол.

Дмитрий положил, но не уходил. Пауза затягивалась.

– Что-то случилось? – осторожно спросил он.

Дубровский молчал долго. Потом, не оборачиваясь, произнёс:

– Ты когда-нибудь чувствовал, что теряешь контроль над собой?

Дмитрий замер. Такого вопроса он не ожидал.

– Я... не уверен, что понимаю.

– Понимаешь. – Дубровский наконец повернулся. В его глазах было что-то, чего Дмитрий никогда раньше не видел. Растерянность? Стыд? – Она... она делает со мной то, чего я не могу объяснить. И это пугает меня больше, чем любой враг.

Дмитрий молчал, переваривая.

– Вы говорите о девушке?

– О ком же ещё?

– Что именно произошло?

Дубровский усмехнулся горько.

– То, что не должно было произойти. То, о чём я не могу забыть. И что будет повторяться снова и снова.

Он встал, подошёл к бару, налил виски.

– Ты свободен, Дмитрий.

Дмитрий понял: разговор окончен. Но выходя, он обернулся и сказал:

– Леонид Андреевич... может, это не слабость? Может, это то, что делает вас живым?

Дубровский не ответил. Он смотрел в темноту за окном, и в его руке медленно вращался стакан с виски.

День тянулся бесконечно. Милана пыталась читать, но буквы не складывались в слова. Ходила по комнате, смотрела в окно, снова садилась. Мысли возвращались к одному: что случилось? Почему он молчит?

К вечеру она уже не находила себе места. Подошла к камере, подняла голову и заговорила – громко, отчётливо:

– Я не знаю, что происходит. Но я чувствую, что ты рядом. Ты всегда рядом. Так почему молчишь?

Тишина.

Она уже хотела отвернуться, как вдруг динамик ожил.

– Ты хочешь, чтобы я говорил?

Голос был хриплым, уставшим, почти чужим.

– Да, – ответила она. – Я хочу.

Пауза. Длинная, тягучая.

– Я не могу, – сказал он наконец. – Потому что если я начну говорить, я не смогу остановиться.

– И что в этом плохого?

– То, что я скажу тебе правду. А правда... она может тебя испугать.

– Я уже испугана. Я в клетке. Чего мне бояться больше?

Он молчал так долго, что она решила – он ушёл. Но потом голос раздался снова:

– Того, что я чувствую к тебе.

Милана замерла.

– Что ты чувствуешь?

– Я не знаю. – В его голосе впервые прозвучала растерянность. – Я не знаю, что это. Но это сильнее меня. И это разрушает всё, что я строил.

– Любовь?

– Нет. – Он усмехнулся. – Любовь – это для слабаков. Это что-то другое. Болезнь. Одержимость. Ты вошла в мою кровь, и я не могу тебя вытравить.

Милана молчала, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

– Ты боишься этого? – спросила она тихо.

– Да. – Простой, честный ответ. – А ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.